

Виктор БАКИН

г. Киров

Война матерей

(24 декабря 1979 года, 40 лет назад, советские войска вошли в Афганистан)

На войну... за деньгами

(из старых блокнотов)

Водном из кировских торговых заведений, в маленьком и достаточно скромного интерьера кабинете, мы искали компромисс.

– Спрашивайте. Я попытаюсь быть предельно откровенной. Только, пожалуйста, ничего не пишите об этом, – говорила она.

– Как же так? Встречаться с людьми, готовить материалы для печати – моя работа, – возражал я.

Беззастенчиво заглядывали сотрудники, входили посетители, вздрагивал на столе телефон – обычные рабочие будни директора крупного торгового магазина, и она деловито решала производственные вопросы, советовала, доказывала, отказывала. А я, покинутый вниманием, вдруг не к месту вспомнил, как один «афганец» бросил в сердцах: «Все мы вернулись оттуда чокнутыми. Все без исключения: и те, кто носил погоны, и те, кто приехал вольнонаемным. Посмотреть в лицо войны – это бесследно не проходит...»

– Спрашивайте, но, пожалуйста... – вновь говорила она, повернувшись ко мне.

Наконец мы договорились: она прощает мои, возможно, бестактные вопросы и вспоминает без оглядок на «можно-нельзя», но ее фамилия упоминаться не будет, и я нажал клавишу диктофона...

– Получилось все очень просто. Я разошлась с мужем, остался сынишка, которому тогда было 10 лет. А оклад невелик – 135 рублей. На эти деньги, естественно, жить было невозможно. И потом – надо было как-то сменить обстановку.

Пришла в военкомат. Там говорят: пишите заявление, куда желаете поехать. Можно было в ГДР, но меня не устраивала зарплата – очень маленькая. Тогда, говорят, вам надо в Афганистан. Ну, в Афганистан так в Афганистан.

Там мне платили 230 чеков в месяц, да в Союзе ежемесячно шло на книжку 336 рублей. В принципе, неплохо по тем временам.

30 мая восьмьдесят четвертого года я улетала. Первая встреча не то что с Афганистаном, с «афганцем», произошла на пересыльном пункте в Ташкенте. Собралось человек 70 вольнонаемных, ждем самолета. Подходит прапорщик. Рука на перевязи, видимо после ранения. И вот все его спрашивают: «Как там, в Афганистане?» А он:

«Меня уж дома подобными вопросами замучили. Так я для наглядности что сделал. Натопил до невозможности печку, тут же песочник соорудил, на песок вентилятор направил, разогрел бутылку водки до +50, разлил всем друзьям и говорю: «Вот это и есть Афганистан...»

Перелетели в Кабул быстро на грузовом самолете «Ил-76», где вповалку были и груз, и люди. Наконец открывается люк, вижу: стоит «уазик», рядом солдаты. Кто-то наголо брит, кто-то в берете, в черных очках. Все в маскхалатах, шнурованных ботинках, рукава закатаны по локоть. Ну, думаю, куда это я попала?

Девять часов утра, а жарница невозможная. Привозят на кабульскую пересылку. Приходит военный, говорит: «Придется ждать очень долго. Никто вас «покупать» не хочет...» Вот все и сидели, ждали своей участи, хотя у каждого было предписание, куда явиться... Часа через три меня забрали в штаб армии и отправили заведующей складом на оптовую ТЗБ (торгово-закупочную базу). Вот на этой базе я и проработала все два года.

Заведовала я промтоварным складом (рядом был книжный, еще через пару метров – продовольственный склад). Товары поставляли в основном капстраны. Вернее, был специальный закуп на валюту для контингента военнослужащих 40-й армии. Когда принимала склад, там был остаток на 2 миллиона. Все полки были забиты товаром. Мы месяц делали учет. Что еще интересно, некоторые вещи, например финские костюмы, которые в Союзе по большому благу доставали, там уценяли. Их потом у меня забрали и отправили в Монголию.

Во время учета была обнаружена большая недостача. Так 19 тысяч пришлось заплатить, а 22 тысячи оприходовали. А все с чего началось? Вот прилетает самолет, привозит товар на склад, и тут же наезжают товарищи генералы, товарищи полковники или товарищи из нашего консульства, словом, «элита», то есть те, кому все разрешено. Вернее, они сами себе все разрешили. Товар еще не принят, еще в коробах, но они уже начинают его тряссти. И – что понравится – в грудку, в сторонку.

Первый раз еще закрыла глаза на подобные действия, но потом сказала начальнику ТЗБ, что эти пришельцы мне надоели. А то что получается – нагрязнул как-то один генерал, готовящийся уезжать в Союз, и набрал на приличную сумму – около тысячи чеков – мужских сорочек. Целый короб получился. А про оплату буркнул что-то туманное. Я потом в течение нескольких месяцев

ходила за начальником базы и требовала либо сорочки, либо деньги. А ни того, ни другого нет. Уехал генерал и пропал. В конце концов, через три месяца деньги мне вернули – начальник ТЗБ покрыл недостачу из своей зарплаты.

Отмечу, что за два года моей работы в Афганистане некоторые вещи, например видеомагнитофон, ни один гражданский человек не купил. Не купил и импортный телевизор. Во-первых, потому, что их было достаточно малое количество. И потом, поставлялись они целенаправленно – такому-то конкретному лицу. Я их видела, смотрела, проверяла, но ни одному «постороннему» они не достались.

Одно время мы удивлялись: «К чему все эти вещи, ведь идет война?» Действительно, до магнитофона и телевизора ли, когда постоянно стреляют, постоянно гибнут люди? Но, с другой стороны, раз есть чеки, надо их как-то реализовать...

У нас на складе рабочих не было, поэтому мне постоянно помогали солдаты. Вот ребята эти вечно что-нибудь крали. По мелочам: записные книжки, солдатские или офицерские ремни. Уволокут, а потом сдают в лавку, увеличивая тем самым «прожиточный минимум».

Впрочем, кражи наблюдались не только в солдатской среде. Помню, под Новый год с большим трудом прилетел самолет с магнитофонами «Шарп» (каждый стоил 1064 чека), который сопроводжали две женщины-экспедиторы. Замечу, что экспедиторы никогда не участвуют в разгрузке товара, а тут они вдруг рьяно взялись выкладывать картонные коробки. Причем тщательно искали какую-то одну упаковку. Вот разгрузили они все «Шарпы», а мы складировали их так, чтобы было удобно считать. И, когда стали выдавать магнитофоны, одна коробка оказалась пустой. Можете представить наш ужас?

Мы, конечно, собрали деньги, заплатили за этот «Шарп», но я до сих пор хочу посмотреть в глаза этим женщинам, так не по-людски поступившим с нами...

Жажда наживы, стремление иметь хорошую вещь любой ценой – сколько подобных примеров в нашей повседневной жизни, но на войне они приобретают порой просто чудовищную форму. Помню, зачитали приказ по армии о раскрытии, я бы даже сказала, шайки: лейтенанта, прапорщика и нескольких солдат, которые в течение длительного времени занимались мародерством. Для афганцев привычно прятать деньги в чалме. Что же делали наши? Они останавливали автобус, выводили всех пассажиров, раскручивали

чалму и забирали афгани. Потом сажали всех обратно в автобус и пускали его под откос. Или всех расстреливали, причем непременно из афганского оружия.

Или еще случай. Работал в штабе армии инженер-электрик. Берет он однажды автомат, идет в дуکان и говорит дуکانщику: «Давай-ка выкладывай свой товар». Дуқанщик послушно выкладывает. Тогда наш забирает себе все, что понравилось, а хозяина лавки расстреливает. Спрашивается, зачем он это сделал, ведь и так уже свою силу показал.

Не знаю, что уж там суд решил. Но подобные случаи дали повод афганцам держать с нами ухо остро, дали понять, что для русского обмануть – взять товар и не расплатиться – очень даже просто...

Скажу немного о нашем быте. Жили мы в модуле, готовили на электрической плите. Там все на электричестве, так как кроме дизельной установки, которая подает свет и тепло, ничего нет. Воду запасали в огромном резервуаре на улице. Температура там всегда плюсовая, причем большая – +60, в тени бывает +45. Ну а уж +40 – это обычная температура для Кабула, однако жары не ощущалось, потому что очень сухой климат. И вот резервуар, который никогда не прочищается, заливали водой, и она на постоянном солнышке от мельчайшей пыли загрязнялась.

Каждый день, когда все уходило на работу, мы занимались уборкой. В наши обязанности входило привести в порядок коридор, протереть пыль и вымыть ванную комнату. В ванной стояли по периметру 20 моек: здесь и стирали, здесь и мылись, пользуясь для подогрева воды кипятильником. Горячая вода была только в кочегарке, где стоял дизель. Там была и душевая, но туда пускали не всех, а только «избранных». А что значит быть «избранным»? Тот, кто имеет деньги или связан с товаром, может что-то достать, принести, к сожалению, считается в нашем обществе избранным. Не был исключением и Афганистан...

Разговор закончился, хотя на многие вопросы я и не получил ответа. Впрочем, многие вопросы остались и не заданными. Может, это и к лучшему, ведь должен же где-то быть предел бестактности, который не стоит переходить, когда ворошишь своими руками чужую жизнь. Тем более жизнь женщины...

Это мы, Господи!..

(вместо покаяния)

Из разговора с солдатом, вернувшимся с войны:

– Знаешь, я вообще-то до армии не курил. И в учебке не курил. А в Афгане пришлось. Вот эти 17 пачек, что нам давали, хватало на неделю, не больше. Под конец службы одну сигарету докуришь и тут же от нее новую прикуриваешь. И так постоянно. Вроде, считалось, нервы успокаивает... Как еще «отходили»? Вот колонна приезжает из Союза, например угольная, и там в каждой машине непременно два-три ящика водки. Офицеры или прапорщики берут ящик и к бабам... Вообще-то, у меня отношение к девчонкам там разное было. Например, знаю парня и медицинскую сестру, которые полюбили друг друга и по возвращении в Союз поженились. Но хватало и таких, которых можно было и за шмотки купить. Тогда же, в начале восьмидесятых, каждая импортная шмотка, да те же джинсы, – это жуткий дефицит. Вот кто половчее, и пользовался этим...

Иногда, хотя это и бывает крайне редко, но бывает, я вспоминаю затерянный где-то между Алма-Атой и Фрунзе пропыленный, прожаренный южным солнцем и продуваемый всеми суховеями крохотный гарнизон, прилепившийся на окраине казахского селения. Вспоминаю казарму, пол которой надраен до блеска солдатскими сапогами, коленками и животами, одноярусные кровати с отвисшими сетками, оружейку с «тумбочкой», с которой дневальный Витек-анашист шел «погулять» на недельку, на две, а потом, когда возвращался в часть, требовательно «вытуривал» со своего поста нового дневального и звонкоголосо командовал: «Рота, смирно!» при появлении начальства. Я вспоминаю КПП (контрольно-пропускной пункт), где пожаловавшие в гости к сыну хлебосольные папаши и мамыши в комнате для свиданий разворачивали «скатерть-самобранку», так что взвод, а то и два наедались «от пуза»; где один лейтенант отбирал у солдат-отпускников, приходивших отмечать, знаки классности, значок отличника СА и «бегунок», если на них не было соответствующей записи в военбилете, а потом «толкал» их нам по трешке за штуку; где в один из дней в парадках на вещмешках томились в безвестности тридцать ребят, ожидающих отправки в Афганистан.

Афганистан. Тогда, в далеком восьмидесятом первом, слово это не заставляло ни вздрагивать, ни тревожиться, потому что никто из нас, рядовых

срочной службы, не видел большой разницы, где отдавать Родине священный долг. И хотя «солдатский телефон» информировал, что ребятам еще предстоят ускоренные курсы пулеметчиков, никто из них не бегал за командиром с вопросом: «Зачем переучиваться? Я же классный связист...» Мы свято верили нашим взводным, ротным, комполка, как, впрочем, очень верили и прессе. А она об Афганистане ничего «сногшибательного» не писала, ни о какой войне речи не вела. Следовательно, делали мы вывод, служба там сродни службе в Польше, ГДР или какой иной дружественной стране. А потому «вперед и с песней...»

Они, эти тридцать мальчишек, уходили «вперед и с песней» на тщательно замаскированную, спрятанную от всего народа войну. Я не знаю, что стало с ними, но я ответственно могу сказать, что в том первом в полку наборе в Афган не было ни одной «паршивой овцы». Все же эти Витюши-анашисты, неизвестно какими судьбами оказавшиеся в армии, все эти лейтенантики, делающие маленький «бизнес» на продаже солдатских знаков отличия, и прочая-прочая человеческая дрянь, которой, уверен, каждый служивший повидал достаточно, оставались в полку – кто-то выслуживаться до очередного звания, а кто-то дослуживать до «неизбежного, неминуемого дембеля».

Из разговора с солдатом, вернувшимся с войны:

– Деньги, конечно, были нужны. Хочется ведь и домой что-то привезти. А чеки у солдат долго не залеживались. Да и что в месяц на 9 чеков возьмешь? 9 чеков – это 9 рублей... Вот и толкали на продажу все, что плохо лежит. И железо, и алюминий, словом, все что угодно. По-моему, даже все БТРы были у нас разукomплектованы кошмарно. Да что там: колышек от палатки, и тот денег стоил. Любая железяка... Другой вопрос – продажа патронов, гранат, оружия, которое могло против нас же и обернуться. Карали за это нещадно. Вот один парень две гранаты толкнул. О, били его долго и упорно... Где еще деньги брали? В рейдах, когда «духа» грохнешь. У них афгани в карманах почти всегда были. Или когда кишлаки проходили на проческе, тоже все начисто подметали. Скажем, офицеры, прапорщики что-то крупное брали – сервизы, ковры. А ковры удивительные попадались. Вот в одном кишлаке видел ковер, у которого ворс был 10 сантиметров. На него даже как-то неловко было сапогом ступать. Вот его прапорщик свернул и вынес... Ну, а солдату куда это добро? С собой не унести, не отправить...

Мы просили уезжавших ребят писать. Но они не писали. Никто.

В тот день на вечерней поверке рядом с фамилиями уехавших дежурный старшина впервые поставил прочерк. А скоро, когда составили новый ротный «поминальник», эти ребята в нем уже не значились.

Прочерк. Скажу откровенно: я не люблю этот грамматический знак. Сокрыта в нем какая-то недоговоренность, неясность. А то и скороговорка, словно о чем-то (о ком-то) не хотят думать, говорить, вспоминать – в силу ли неприятности воспоминаний, стыда или по какой иной причине. Вот и гуляет этот «спасительный» знак по страницам больших и малых документов, нередко предваряя собой рождение «брата» – знака вычерка. Да, нам не привыкать. Из нашей истории вычеркивались, тщательно вымарывались многие деяния и многие лица. Но что это принесло, какую такую пользу?

Иногда мне кажется, что история повторяется. Посмотрите, пятнадцать лет прошло – какой малый срок! – после афганской войны, но уже начисто исчезли с газетных и журнальных страниц материалы, посвященные тем событиям. Скороговоркой проговорили о «политической ошибке», списали ответственность за нее на ушедших в мир иной верховных руководителей, бросили на «стол» «афганцам» крошку подаяния, на том и успокоились. Что на ближайшей очереди? Прочерк событий первой чеченской кампании, за которую никто не понес должного ответа, никто не наказан как государственный преступник?

А вторая Чечня? Много ли мы о ней знаем, что во весь голос с самой высокой трибуны сказал стране всю правду о ней?

Да, мы, не испытавшие, что такое нести с боевых друга в целлофановом пакете – руки отдельно, ноги отдельно, мы, не стоявшие на коленях у цинкового наспех запаянного ящика гроба, слабодушно и трусливо еще позволяем себе роскошь «прочерка». Но как быть тем сотням тысяч «афганцев» и «чеченцев», как быть десяткам тысяч осиротевших матерей и отцов, овдовевшим в двадцать лет молодым женщинам, память которых болит и поныне?

Из разговора с солдатом, вернувшимся с войны:

– Парень один застрелиться хотел. И все об этом знали... У него ранение было такое, что оно как на мужика на него подействовало. А дома невеста ждет... И он нам говорил: «Ребята, что

же это за жизнь будет. Зачем она нужна...» Мы ему как-то раз даже по морде надавали за такие настроения. Но он все равно застрелился. Выбрал время...

Надо бы помолиться за этих ребят, что остались навсегда в далекой и чужой южной стране или солнечной пограничной российской республике. Надо бы помолиться и за тех, кто вернулся: руки, ноги целы, но душа-то все равно расстреляна, растерзана. Да вот не умею, не научен, хотя и крещен в давнем детстве по настоянию бабки Матрены, хотя сейчас, случается, и захожу в церковь поставить свечку. Впрочем, нужны ли им наши молитвы, наши слова? Раньше надо было об этом думать, много-много раньше...

Ну, а нам-то что надо? Нам, заботливо защищенным от всех страшных «прелестей» еще одной войны, приученным (прирученным?) к спокойному, без разрыва нервов, без тошнотной, раздирающей голову боли, восприятию картин атак и бросков, засад и зачисток, перечислению сухих цифр потерь?

Говорят, есть две правды о войне. Одна – «парадная» (я ее называю «пионерской»), подчищенная и припудренная ловкими руками цензоров и «доброжелателей» и рассчитанная на массового читателя (зрителя), пороха не нюхавшего, под обстрелом брюхом грязь не месившего. Другая – «окопная» (такое название дали однажды критики да чиновники, старательно и весьма успешно вытравляющие ее из нашей журналистики и литературы), обнаженная и страшная своими подробностями. Какую же выберем сейчас, когда открываются наши глаза на многие события дней давно минувших и дней совсем недавних?

Из разговора с солдатом, вернувшимся с войны:

– Лежал в Баграмском госпитале, а там рядом находился армейский морг. И у меня один знакомый парень в этом морге служил. Он рассказывал: «Когда привезут целый труп – о, скажу так, нам это за радость, потому что есть на что натянуть «парадку». А то ведь принесут на брезенте груды мяса. Что с ней делать? Нередко просто сваливали все в цинк, в гроб, сверху кидали «парадку» и запаивали...» Сначала были «цинки» с окошечками, но потом их отменили, потому что у кого-то не на что было и смотреть... Как ни прискорбно, но и в этом деле находились сволочи. При мне читали приказ по армии: парень один в цинк нагрузил шмоток, наркотиков, мумие и в Союз отправил, чтобы там потом выкопать. Уж не

знаю, как его раскусили. Расстреляли... На моих глазах на плацу перед строем еще одного парня расстреляли. Причем парень-то русский был, минометчик. И вот ушел он к «духам», добровольно сдался. Не знаю, что его туда толкнуло, какая причина. А через некоторое время он уже свой полк бомбил из миномета. Подняли тогда по тревоге роты и его захватили. И особо разбираться не стали, потому что такое не прощается...

Любая война – это россыпь множества маленьких войн. У каждого ее участника свое сражение, и каждый, как научен, атакует и обороняется и, как получится, умирает. Потому и правда о войне у каждого своя. Конечно, она заведомо субъективна, ограничена рамками одного «окопчика», но без нее, без сложения вот этих субъективных впечатлений-воспоминаний не иметь нам объективной картины.

Не помню, кто сказал, что Афганистан дал нам возможность посмотреть на себя со стороны. Еще одну возможность обострить зрение, просветлить головы, крепко набитые идеологическими стереотипами. Впрочем, правда открывалась такая, которую удобнее (в который раз!) было не знать. И мы вновь старательно и усидчиво учились этому незнанию. Вернее, трогательно, безропотно подчинялись этой учебе. «Советские солдаты живут за глухими заборами, поливают цветы, повязывают афганским пионерам галстуки и сторонне созерцают, как народно-освободительная армия Афганистана при поддержке мирного населения громит душманские банды...» – с такой расхожей фразы открывали многие наши учителя свои уроки. Поэтому и смотрели оттуда, с войны, на свою озабоченную только мирными хлопотами страну с негодующим недоумением наши мальчики. Потому и хоронили их на родной земле в первое время по возможности скромно и скрытно, словно не война погребала, а вора или убийцу.

Война в Чечне – другое время, другая страна. И мы другие. Вот только если раньше близорукими были больше от незнания, то сейчас от равнодушия: гори все синим пламенем, мне-то что за дело...

Из разговора с солдатом, вернувшимся с войны:

– Буквально перед самым моим приходом под колючую проволоку подкинули парня, у которого ни рук, ни ног не было. Глаза выколоты, нос обрублен. Даже, правильнее сказать, не обрублен – ампутирован. Все было сделано с такой целью, чтобы он жить остался. И записка тут же: кто, чей.

Вот такой «подарок» матери... Видно было, что не топором это сделано, а скальпелем. Все зашито, более-менее заживлено... А еще около госпиталя видел: лежит на шинели труп, обожженный весь, изрезанный. Кошмар просто... Была у меня одна знакомая медсестра. Она в госпитале работала и много чего повидала. И рассказывала, как привезли к ним солдата, который был доведен «дедами» до такой стадии дистрофии, после которой, как ни лечи, выздоровления уже не наступит... Или еще случай. Дембеля сжигают заживо на костре недавно прибывшего в часть парня...

Где-то было написано: четвероногая подлость никогда не догонит двуногую. Действительно, иногда человек совершает такое мерзкое деяние, такой чудовищный по своей сути поступок, на который не способен даже самый дикий зверь. И потому не хочу здесь по-кавалерийски, пристрастно раскладывать противоборствующие стороны по полочкам: наши, будь то «советы» или федералы – сплошь герои, неприятель – одна сплошная мразь. Не так однозначно все было, далеко не так. И среди наших ребят было «понамешано» всяких, и их ругами понаделано много низкого, непристойного.

Есть одна афганская песня, которая вряд ли когда-нибудь будет записана на кассету или войдет в какую-нибудь стихотворную подборку. Слова в ней такие: «За плечами мешок, в нем боеприпасы, кружка, ложка, а еще котелок в запасе. А службу тащим, друзья, мы в Афганистане...» Дальше идут различные вариации. Вот одна: «...И поэтому мы живодерами стали. С неба солнце печет, в горле пересохло. Мы от этой жары слегка оглохли. Нет, лучше пулю в висок пустить из пистолета, чем носиться вот так по деревне этой...»

Может быть, действительно, жара, палящее солнце, мотание из кишлака в кишлак на проческу были одними из первых «благоприятных» условий, оглушающих и оглупляющих человека в форме? Так что не оставалось в его выжженном сердце ни жалости, ни милосердия. Ни к своим, ни к чужим. Впрочем, разве разберешь, что ломает, а что возвышает человека. Каждому свое...

Из разговора с солдатом, вернувшимся с войны:

– В одном из полков командир перед боевыми операциями говорил: «Кто пленного возьмет, тому 5 суток гауптвахты!..» Иными словами, живого «духа» в плен не брать. Мертвого можно... Как-то раз зашли мы в кишлак, поймали одного мужичка. Спрашиваем через переводчика: «Душман?» Отвечает: «Да, душман!..» «Ни фига себе, – дума-

ем, – сам сознался». Ну, ладно, раз такой идейный, надо расстрелять. А тут бабка бежит (один из редких случаев, когда население из кишлака не ушло), кричит: «Да он сумасшедший. Болтает что в голову взбретет...» Хорошо, начали допрос снова: где ружье, где банда? А мужичок на своем стоит: «Не велено болтать». Ну что тут делать, кому верить? Правильнее расстрелять.

– А ты расстреливал?

– Тоже было. Но обычно на пленных старались патронов не тратить. Был у нас курс рукопашки, вот мы и отработывали на них приемы на уничтожение. Как с одного удара убить, как с серии ударов... Уважали тех, которые не просто стояли, а старались и тебе «навесить». Тогда тренировка получалась лучше.

– Но конечная цель – убийство?

– Да... Ну, после того, что мы там повидали, особенно как они с нашими пленными обращаются, старались особо их не жалеть. И, знаешь, никаких переживаний, терзаний совести не испытывал. Ну, словно на помойке крысу застрелил. Там и свою-то жизнь особо не ценили, вернее, не цеплялись за нее, что вот надо выжить, выжить, выжить. А уж чужую тем более.

Это мы, Господи! Вчера мирные, внешне добродетельные граждане, а сегодня... Впрочем, что удивляться – «на войне как на войне». Только не огласен я с расхожей фразой, что война все спишет. Человек, даже однажды совершивший подленькое дело, крепко, а возможно и навсегда, замутил в себе чистоту, загубил способность делать добро. И обратной дороги – к светлым помыслам – может уже не найти.

Перебираю в памяти, но не нахожу, не могу сказать, что встречался мне человек, сплошь состоящий из одних добродетелей. У каждого была какая-то «особинка», вызывающая настороженность или неприятие. Однако в мирной жизни душевное уродство не так открыто, не так явно заметно. Война же своими чрезвычайными условиями поднимает на поверхность человеческой души даже то, что тщательно и прилежно скрывалось.

Несколько часов проговорили мы с солдатом, вернувшимся с войны, бывшим командиром отделения связи разведвзвода. И пусть воспоминания его выходили «рваными», как осколок мины, было в них все: и первый боевой выход, и желтуха, и ранение, и гибель товарищей. Порой его монологи так густо сочились кровью, что становилось невмоготу. И я просил «передернуть» тему, поговорить о быте, о том, как можно умыться одной кружкой воды, о чмошном виде задержанных

молодых солдат, о том, как успокаивали нервы в промежутках между рейдами. Но и от этих рассказов становилось не по себе. словно не кто-то другой, а ты сам сотворил что-то подленькое, мерзкое, непристойное. Или словно выпачкали тебя грязью, так что хочется бежать отмываться.

Спорить с военным человеком бессмысленно, и все же... В начале девяностых годов в Москве в Центральном доме литераторов выпало мне познакомиться с военным писателем, неоднократно бывавшим по командировочным делам в Афганистане. Занятно, надо отметить, протекала у нас беседа. Он стойко, убежденно отстаивал позицию, что наши в Афгане сражались мужественно, что потери, если раскидать их на все 10 лет, не столь уж велики, что уроки этой войны во всех смыслах трудно переоценить. Я же стоял на том, что война – страшное, жестокое и мерзкое дело. И писать о ней надо так, чтобы читателю страшно было это читать. Иначе что получится – лакированная картинка. Впрочем, в своем запале мы, возможно, перегибали палку, а истина была где-то посередине.

В конце нашей бурной полемики, уже понизив голос и снизив агрессивность словесной атаки, он заговорил о выводе наших войск. Я слушал его и вспоминал «своего» солдата, его прощание с войной.

Из разговора с солдатом, вернувшимся с войны:

– Водки не было, поэтому заслали молодых в Кабул. Принесли они кишмиша. Сообразили плов, сходили набрали картошки. Незадолго до этого купили килограммов пять карамели, поставили на них бражку. Аромат вышел специфический. Посидели до утра, повспоминали. Парень из штаба на гитаре поиграл. Потом поднялись на хребет, на последний пост. Взял я автомат и дал по горам последний салют...

Это была его последняя очередь. Последнее слово солдата проклятой войне: «Прощай, Афган! И пошел ты!..»

Прости нас, Господи, ибо не ведаем, что творим на этой прекрасной земле!

Будь мне сыном, Саша!

(из старых записей)

В конце февраля восемьдесят четвертого года в «Комсомолке» был напечатан очерк Инны Руденко «Долг». Судьба его героя, молодого му-

жественного солдата Александра Немцова, получившего тяжелое ранение при выполнении интернационального долга, заинтересовала многих читателей. 5 тысяч откликов пришло в адрес редакции, сотни людей написали самому Саше. Одним из них был Кировчанин Сергей Иванович Романов.

На конверте он напишет просто: город Никополь, Немцову Александру. Оставит письмо на столе, пройдет в комнату, присядет на оставшуюся нерасправленной кровать. Часы показывали четыре, но спать в эту ночь Сергей Иванович уже не будет. Не сможет. Будет долго лежать с открытыми глазами, ища и не находя объяснений тому, как это случилось. Как могло случиться такое. Нет, не о тех он будет думать, кто, поспешно отступая, послал роковую пулю. О тех, кто по должности, по долгу человека перед человеком, попавшим в беду, должны были сделать все. Обязаны были. Ведь невозможного здесь не требовалось. Отзывчивости, равнодушия – много ли это? Небольшой помощи: сделать съезд для инвалидной коляски, выписать пропуск на завод – так ли это сложно? Ответ был только один: нет, немного, нет, несложно.

«Героев» газетной публикации Романов видел поименно. Всех: и военкома, и работников собеса, и комсомольских вожаков. Видел людей, но лиц у этих людей не было. Только глаза – цвета мыльной воды. Вот военком после вручения Немцову ордена Красной Звезды вышел из Сашиной квартиры. И первая мысль – все, свое дело я сделал, теперь он собесовский... Девчонка из комитета комсомола, аккуратно прикрыв дверь и так же аккуратно забыв данные минуту назад обещания, беззаботна – торопится на свидание...

Шаг за порог – и слова, и мысли уже другие. И лица другие. А человек, меняющий свое лицо, – человек, не имеющий лица. Безличный человек.

В ту февральскую ночь Сергей Иванович не уснет до утра. Будет писать письмо. Будет – в который раз – перечитывать очерк...

Пуля попала Немцову в спину. Враг всегда стреляет в спину, даже если пуля попадает в грудь...

Лицемеры, бюрократы, канцелярские «крысы» – те же враги. Порой их удар куда страшнее, чем очередь из автомата. Может согнуть, поставить на колени, даже убить и сильного человека. Для встреч у них слова – вежливые, обходительные, а действия их всегда за спиной, иногда в спину. Потому что одна из составляющих их сущности – трусость. А трусость не любит «глаза в глаза», не терпит яркого света и чистого поля.

Можно сломить, победить человека, если он один. Но один человек бывает редко. Рядом родные, товарищи, друзья, их забота, поддержка и помощь. И потому человек становится сильнее, даже если он ранен.

У Саши Немцова были и настоящие друзья. Это они, не считаясь со временем, отодвинув на потом свои дела, ходили по инстанциям, кляня лицемеров и очковтирателей. Это они носили Сашу на руках – из подъезда на улицу, с улицы в квартиру. Это они написали письмо в Москву...

После публикации очерка друзей у Саши стало больше. Тысячи. Со всего Союза шли письма и посылки, раздавались звонки, люди приходили к нему в больницу. Они понимали: бой с бюрократией, с волокитой закончен, но жизнь продолжается. А жизнь – штука сложная, и все еще может быть на ее дороге: и трудности, и обиды, и горечь разочарования. Здесь главное – не потерять себя. Не потерять веру в человека.

Вечером после работы Сергей Иванович заходит в магазин. Нужно купить продукты на ужин. Делать это приходится сейчас самому – один остался. Старший сын в армии, младший уехал инструктором в пионерлагерь, дочь после окончания техникума вышла замуж.

Квартира Романовых на пятом этаже. Сергею Ивановичу под пятьдесят. В таком возрасте люди нередко, чтобы дойти до верхних этажей, останков делают. Отдохнуть, дыхание успокоить. Романов же по лестничным пролетам шагает легко. И авоськи в его руках невесомыми кажутся.

– Это раньше было тяжело. Хоть и был моложе, да к возрасту моему курение годы приплюсовывало. Сильно старило. Задыхался, по лестнице поднимаясь. На звонок нажать сил не хватало. Но девять лет назад курить бросил...

Ночью он сидел у окна и курил. И не заметил сразу, как подошла неслышно дочурка. Остановилась за спиной и, всхлипывая, размазывая ладошками по щекам слезы, тихо сказала: «Папа, ты же кашляешь. Ты же один у нас остался. Как же мы, если тебя не станет?» Обожгли тогда эти слова. И дал Сергей Иванович и себе, и детям обещание – курить не будет ни при каких обстоятельствах. Назавтра выложил на телевизор распечатанные пачки «Опала» и «Беломора» и, как бы тяжело ни приходилось, как бы горько и трудно ни было в эти дни, ни разу к ним не прикоснулся. Так и лежали они почти год нетронутыми, пока курящие гости их не использовали.

Романов бросил курить, потому что это была

просьба детей. А в те дни дети, Сергей Иванович остались одни – мать двенадцатилетнего Олега, десятилетней Ирины и семилетнего Андрюши оставила семью.

Было трудно, очень трудно. Мыть полы, стирать, готовить, ходить в магазины, просматривать дневники, посещать в школе родительские собрания – все теперь пришлось делать одному. Малы еще были дети, чтобы во всем помогать. Нужно было покупать новые пальто, платья, рубашки, а денег не хватало. Сергей Иванович устроился по совместительству дворником. Вставал затемно, чтобы к началу основной работы привести двор в образцовый порядок. Это уже в характере – делать любое дело, раз взялся за него, хорошо.

Соседи вспоминают: «Когда Романов работал, чтобы кто-нибудь что-нибудь плохое сказал – никогда. До единой щепочки, соринки подберет, граблями газон от мусора освободит, дорожки подправит. Приятно – чистота кругом. Тяжко ему пришлось одному с ребятишками, но никто не слышал от него жалобного слова. А уж про замкнутость, равнодушие к бедам других людей – полноте, и говорить нечего. Не было местечка для гнильцы этой в его сердце и ранее, не уродилось и в эти годы...»

Мне рассказали, как давал Сергей Иванович одной старушке соседке, у которой сын беспробудный пьяница, деньги. Своим детям не хватало, а он чужому человеку. Давал, ни отдачи не требуя, ни благодарности. Когда же бабка пыталась деньги вернуть – противился: «Что ты, отступись, ничего я не помню, не было ничего, ничего не давал...» Рассказали, как раздавал он женщинам, что вечерами у дома на скамейке сидят, щавель. Детям своим вез, а вот не мог пройти мимо людей, не поделившись. А еще о том вспомнили: как только подъезжала к дому романовская машина, облепляли ее мальчишки со всего двора. Знали, что и просить не нужно – дядя Сережа обязательно прокатит. И дядя Сережа катал...

Он не замкнулся, не очерствел душой, хотя ему было нелегко. Он знал, что рядом живут люди, и в жизни этих людей тоже порой не все просто, ладно и гладко. Он привык приходить на помощь – это было воспитано в нем целиной и работой в нефтеразведке, – когда видел чужую беду. Он знал, что это долг человека – помогать ближнему, когда тому плохо. Тогда и тебе помогут в минуту отчаяния или несчастья. Только так должно жить в человеческом общежитии. Таково главное правило. И Саше Немцову он написал потому, что

это был его долг. Рассказал в письме о том, как бросил курить (победа маленькая, но ни одна большая победа без таких маленьких невозможна); как растил и воспитывал детей. Дети – главная его победа. Старший Олег с отличием окончил техническое училище, поступил в институт. Сейчас служит в пограничных войсках, комсорг заставы. Дочь окончила механико-технологический техникум. Младший сын Андрей сдал школьные экзамены лишь с одной тройкой. Грамотами его, полученными за общественную работу, целая стенка увешана.

О детях Сергей Иванович написал не без гордости. Но без ложного афиширования. Написал не для того, чтобы покрасоваться, а для того, чтобы Саша ему поверил, – всегда, при любых обстоятельствах важно оставаться собой. Не падать духом. Только тогда можно перебороть и боль, и отчаяние, и упадок сил, и безысходность. Только тогда, после трудностей и невзгод, ты поймешь, как важна и велика твоя победа. Без трудностей, без напряжения последних сил нет победы, бледна победа. Да и не победа тогда это, а так – подарок судьбы, подачка.

* * *

У него красивые глаза. Большие добрые глаза доброго человека. У него густые кудрявые волосы, седина в них едва заметна. На нем простая рубашка с закатанными рукавами, простые брюки. Одежда не скрывает, а представляет – перед вами человек. Ему не нужно «переодеваться», чтобы вам помочь. А как часто бывает напротив. Есть тонко, искусно подобранное «соотношение шмоток», но нет отзывчивости, нет человека.

Сергей Иванович подходит к окну. На остановке напротив молодая мама высаживает из автобуса малыша. Под грибок-мухомором играют мальчишки. Тихо.

– А день-то сегодня какой нехороший, – вдруг говорит Романов. – Очень нехороший. 22 июня...

Мы долго молчим, хотя думаем об одном – о войне...

Работать Сергей Иванович начал с восьми лет. А восемь ему исполнилось в феврале сорок пятого. Мальчишка еще совсем. Это по теперешним нашим понятиям, а тогда, в войну, выросли рано. Да и как могло быть иначе, когда росли мальчишки при слезах матерей. И на слезы эти смотрели с полным сознанием. Когда белые бумажки похоронок встряхивали деревню, и стон и плач были почти в каждой избе. Когда в каждой семье

жил страшный квартирант – голод, а от слабости и болезней слепли.

Старшие детям мораль тогда не читали. Не слов было время – дел. И учебник был один – свой пример. Делай как я. И не боялся никто переработать, испачкать одежду или поранить руки. Не было и предписаний – «с восьми до пяти». А ранним утром и поздним вечером бегали еще мальчишки в лес, собирали ягоды, грибы, чтобы потом раздать их деревенским жителям. Носили по домам жмых.

Народной трагедией стала для страны война. Но и ее перемогли, пересилили, вынесли на своих плечах. Да и не могло быть иначе, потому что жили одной семьей, работали единым коллективом. Одна беда на всех, одна забота, одно дело.

Все на всех, все поровну. Нет ничего сильнее человеческого единства. Мысль эта, вынесенная, накрепко заученная в опаленном детстве, останется в памяти Сергея Ивановича навсегда. И сколько раз потом будет она подтверждаться, хотя и не нужно здесь вообще еще доказательств и подтверждений...

* * *

В ту зимнюю ночь восемьдесят четвертого года Сергей Иванович Романов спать не будет. Будет писать письмо.

Он напишет: «Никто не забыт, ничто не забыто – это не только о мертвых. Это и о живых. Это и о тебе, Саша. И жизнь твоя нужна тоже живым. И потому ты никогда не будешь забыт. Никогда не останешься один на один со своей бедой. Люди помогут, потому что это дело людей...»

И еще он напишет: «Твои несчастья – это и мои несчастья, твоя боль – это и моя боль. Потому что ты мне родной. Будь мне сыном, Саша!..»

Потом он заклеит конверт. И на конверте напишет просто: город Николаполь. Немцову Александру.

Чтобы помнили..

А на кладбище – цветы красные

Галина Владимировна Машковцева, мать погибшего в Афганистане артиллериста Вадима Машковцева:

– В каждой комнате у нас его портреты висят. В большой – даже два: на стене и на журнальном столике. Вот таким он в институте учился: увеличили

со студенческого билета, даже с уголком. Таким десять классов окончил. А еще – в военной форме: в учебке заставляли фотографироваться и домой посылать. Такой же снимок и на памятнике...

Мертвому немного надо – чтобы чистая была могилка, прибранная. Вот у нас около памятника все плиткой выложено, а дальше – цветочник. Я сама цветы сажу. Красные... И удобно – у самой дороги. Каждую пятницу ходим – порядок наводим. А летом, случается, и дважды в неделю. Моём, как дома.

Раньше слово «интернационалист» хоть и произносили, но писать на памятнике нельзя было. Строгий запрет непонятно почему. Вот и у Вадима написано – погиб при исполнении служебных обязанностей... Какие служебные обязанности? Мы все узнать хотели, писали в часть: что и как? Ответили, что все новенькие, командир новый – ничего не знают. А прапорщик, который гроб сопровождал, одно сказал: артиллерийскую точку душманы разбомбили – никто почти в живых не остался.

Когда с ним беда случилась – у меня сердце болело. 23 июня по календарю вторник, а я еще с воскресенья в лежку лежала. Может, у них уже тогда бои шли, может, он уже тогда погиб, и пока разобрались? Прихожу на работу и говорю: «Все выходные – пластом. Ничего не могла делать...»

Когда хоронили, у меня уже и слез не было. Сидела невменяемая, как пугало, все безразлично... В прихожей неделю зеркало закрытым стояло, а пришла немного в себя, взглянула – вся седая. Хотя до этого не было седых волос. И муж весь белый – и волосы, и баки. А к осени на нервной почве меня и вовсе перекосило.

Я его помню только живым – не видела мертвого... И снится всегда маленьким – лет пяти-шести. Бегает, шалит. Дети есть дети.

Двадцать восемь мне было, когда родила старшего, Славу. Вадима – в 31 год. Естественно, между мальчишками всякое случалось. Поссорятся: младший убежит, дверью хлопнет, закроется в комнате, другой стучит, ломится – смотришь, стекла уже нет. Но никогда не жаловались – мужское воспитание.

Отдельная комната у них была, письменный стол на двоих, учебники. Любили в металлический конструктор поиграть, винтики-шпунтики закручивать. Когда в школе военное дело началось, принесла им с работы липовую заготовку. Так Вадим такую копию автомата сделал – как настоящий. И лыжами серьезно занимался, 1-й разряд имел. А за хорошую учебу его даже шахматами премировали...

Восемнадцать лет исполнилось, купили они с ребятами шампанское. Но не выпили – зарыли рядом с дачами в кустарнике.

– Приду из армии, тогда раскопаем и выпьем, – объяснял мне Вадим. – И провода, мама, не надо устраивать. Не хочю...

Мы знали, что он в Афганистане – материнское сердце все чувствует. Потом уж и сам написал: «Находимся на точке. Новый год встречали, запускали ракетницы в горах. Все небо в красках...» Но как-то не думалось даже, что он погибнет.

Была тогда на телевидении передача «Служу Советскому Союзу» – постоянно ее смотрела. А как беда случилась – все, не могу. Тяжело. И отношение к армии резко изменилось. Раньше считала: все ребята обязаны долг перед Родиной выполнить. А сейчас... Сейчас ни за что не отдала бы сына, хоть судите-казните меня. И родителей не осуждаю, которые детей своих от армии откупают. Что с генофондом страны будет, если хорошие мальчики гибнут или уродуются?

Физически крепкий, в плечах широк, рост – метр 83 см – таким сын в армию ушел. Конечно, солнышко не всем одинаково греет, не всем и человек может нравиться, но все же... Радешеньки военные, когда здоровый, спортом увлеченный солдат в строй встает. А кто ответственность понесет, если с ним что случится? Кто родных его поддержит? Никто...

Гроб когда нам привезли, военкоматовские одно твердили: поможем. В чем потребность будет – обращайтесь. Больше пятнадцати лет с того времени прошло – и ничего! Никакой помощи.

А вот «афганцы» не забывают – каждый месяц продуктовый талон на 400 рублей выдают. Можно все купить – и мясо, и сладости. Для семьи это какое подспорье. И в подмосковный санаторий бесплатно отправляли – подлечиться. В феврале, когда годовщина вывода войск из Афганистана, обязательно соберут: в соборе отпевание, к памятнику цветы возложим, а потом по кладбищам едем – детей помянуть, поклониться.

...Мертвому немного надо – была бы могилка прибрана. Немного и нам надо – памяти и внимания.

И во сне вижу – кушать просит

Антонина Григорьевна Порошина, мать умершего в Афганистане от тяжелой болезни младшего сержанта Александра Порошина:

– Из Афганистана всего одно письмо пришло. Второе привезли уже вместе с Сашей. И боль-

ше никаких личных вещей. Писал: мне тут нравятся, места хорошие – не переживай... Все будет хорошо...

Каким вспоминаю сына? Снится все больше маленьким. Худеньким. Может, потому, что, когда заболел – похудел. Ношу я его на руках и спрашиваю:

– Саня, ты ведь вроде умер?

А он все свое:

– Мам, я кушать хочу...

И я, и муж – мы оба мальчика хотели. И по всем определениям, по острому животу выходило – мальчик и будет. А я молодая, еще девятнадцати лет нет, с животом ходить – приятно мало, поэтому одна мысль постоянно: поскорее бы, поскорее... Тяжелые роды были...

Нравилось имя Рудик, Рудольф полностью. Так и записать хотели. Но потом пошла в консультацию, знакомый врач и спрашивает:

– Как, Антонина, хотите сына назвать?

Сказала. А врач отговаривать:

– Ну, вот еще, какого-то Гитлера придумали. Ни в коем случае...

Время регистрации подходит, а мы никак имя не подберем. Не хочется повторяться. А у мужа отец на войне погиб. Вот в честь деда и назвали – Александром. Хотя, говорят, не надо называть в память о погибших – всегда к несчастью.

Магнитофон у нас был – катушечный, стационарный. И я на него записывала, как Саша стихотворения рассказывал. Смешно так. Шипящие он не выговаривал, букву «р» тоже, поэтому полтора месяца перед школой в логопедический садик ходил. Я еще переживала: там ребята заикаются, вдруг и он будет.

В зубную идем, я тоже утрясусь вся в коридоре, а он в кабинет сам заходит. И не надо его держать или уговаривать. Наоборот, меня же еще и успокаивает.

В первый класс пошел – еще семи лет не исполнилось. Но крепкий, рослый, подвижный, поэтому я и подумала: «Вдруг будет плохо учиться, останется на второй год и стесняться станет...» Случалось, и сбегал с уроков: выйдут с ребятами на переменке погулять, забудутся и не в класс возвращаются, а на двор.

И из лагеря я его от скуки забирала. Приеду, спрашиваю:

– Ну что? Домой не хочешь?

– Хочу!!!

Один раз – он, наверное, в третьем классе учился – прихожу с работы, а на дворе полкласса бегают.

– Это что такое?

– Мам, у меня же сегодня день рождения. И я всех пригласил...

– А мне почему не сказал? Где я буду стол накрывать?

– Ну, мам. Они мне уже и подарки подарили: кто линейку, кто книжку, кто тетрадку...

Ладно, много ли детям надо. Сладости покушают и сыты...

Конфеты от него приходилось даже прятать. Свободно тогда они не всегда продавались, по блату доставали. Бывало, утром купишь, а вечером смотришь – опять нет. Однажды думаю: куда бы припрятать? Высыпала в мешочек и повесила между платьями. Потом сижу на диване, шифоньер открыла и вижу – заначки моей почти не осталось. Спрашиваю:

– Это что такое, сынуля? Где конфетки?

А он лежит рядом и рассказывает:

– Стал я телевизор включать, а тут дверка сама и распахнулась. Глянул – целый мешок конфет. И как раз ребята пришли.

И соседка по квартире подтверждает: опять у Сани друзья были, опять всех кормил. Ну разве можно за это наказывать. За доброту и щедрое сердце...

Одиннадцать с половиной лет ему было, когда супруг умер. Самый сложный возраст, переходный. Нелегко мне пришлось, да и сын, видимо, в душе переживал. Хоккеем тогда занимался, а тут шумы какие-то в сердце обнаружили, запретили играть. Очень он плакал:

– Кто я теперь? Сердечник?

Я успокаивала:

– Это возрастное. Пройдет. Ты только не зацикливайся.

А сама тоже чуть не плачу.

Но порой могла и строгость проявить. Возвращаюсь однажды домой – чем-то знакомым пахнет. Не могу понять.

– Чем это пахнет?

Саня, он тогда в четвертом классе учился, сразу присмирел, глаза спрятал, а двое его друзей-ровесников ушки наострили.

– Это что? Вы курили?

Стоят: ни живы ни мертвы.

– Ну-ка давайте по углам. И пока мамы за вами не придут, я вас не выпущу.

Через какое-то время Саня говорит:

– Мам, отпусти их. Ну, попросили они, я и нашел оставшиеся от папы сигареты. В серванте лежали.

– И ты курил?

– Нет, я не курил.

Подошла, понюхала – запаха от него не было. Тогда мальчишке со двора – симпатичному, чернoglазому – стала выговаривать:

– Вовка, ты такой красивый мальчик. А будешь курить – не вырастешь. И тебя девочки любить не будут.

– Че, правда?

– Правда. Ладно, выходите из угла. На первый раз не скажу вашим родителям, но если еще раз замечу – все!

Восемь классов окончил, ушел в ПТУ – на специальность «токарь программного управления». Борьбой, плаванием занимался. И в музыкальную школу два года отходил: на баяне играл, пел хорошо. Я и думала: пойдет в армию, попадет куда-нибудь в ансамбль. Полегче будет...

Дружил с девочкой, но когда стал работать на заводе и одновременно учиться в ДОСААФе на шофера, пореже встречаться стали. Потом и вовсе расстались. И она вышла замуж за Саниного друга – сын даже к ним на свадьбу ходил. Хотя и переживал очень.

Я тогда молодая была, все просила:

– Сань, ты смотри, не сделай меня бабушкой... Он и отшучивался:

– Что ты, мама, я до 30 лет не женюсь...

А сейчас вот думаю: женился бы перед армией, оставил бы внука, не знала бы горького одиночества.

Детей он действительно очень любил, у племянницы дочку на коляске катал. Даже в ясли, в садик за ней бегал. Знакомая одна при встрече меня даже поздравлять кинулась.

– С чем? – спрашиваю.

– Как с чем? С новым замужеством. Вон Сашку видела – с удовольствием коляску катает. Кого же – братика или сестричку?

– Да это племянницы ребенок! Не мой.

Пришла повестка в армию. Отправили сына в Котельнич на призывной пункт, но через три дня вернули – не приехал, видимо, покупатель. Я еще тогда подумала: нехорошая это примета. Неделю дома жил, потом снова вызвали.

На Новый год с одной кировской семьей – у них тоже сын в Ашхабаде, в учебном полку служил – на присягу ездила. Из Москвы на самолете даже две живые метровые елочки везли – одну в казарме поставить, другую на квартире. И сумки большущие с продуктами: сгущенкой, консервами, конфетами.

А в Туркмении ветрено, влажность большая, снега нет – ребята пришли простуженные, температура под сорок. Так у них одна мысль: покушать

и полежать. А Саня еще сапогом ногу натер, ного прихрамывал.

Я говорю шутливо:

– Думала, бравого солдата увижу, а тут хромой.

– Да, есть немного...

Делала ему ванночки с марганцем, черный камень прикладывала – не помогло. Заражение пошло, так что нога в сапог не входила. Когда уехала, его даже в больницу положили, гной удаляли...

И похудее был, чем раньше, бледненький, глаза провалились. Но вида не показывал, чтобы меня не расстраивать. Одно повторял:

– Как хорошо, что ты приехала, мама. Я словно дома побывал.

Подкормить сыновей – это первая задача, а вторая... Знали уже, что из Ашхабада в Афганистан направляют. И Саня рассказывал: подлетят ребята здесь, в госпитале, и их обратно. В этот ужас. На аэродроме едва ли не силком в самолет запикивают. Потому с офицерами встречались, поили. Несколько раз собирались, чтобы убажить. Они по пьянке много чего наобещают, а сделают или нет – бог весть.

У меня уже тогда ноги болели, но на группу по инвалидности еще не вывели. И я в Кирове в военкомат ходила:

– Я же мать-одиночка. Здоровье плохое. Почему сына забрали?

А военком показывает на документы:

– Вы же не инвалид. Еще молодая, можете замуж выйти и даже родить. А что болеете – так все болеют.

Когда прощались, я сына еще покормила около новогодней елки, украшенной гирляндами из фантиков, спичечный коробок передала, куда денег наменяла. Это была наша последняя встреча.

В Афганистане Саня всего три месяца прослужил, командовал отделением спецназа. Потом заболел и...

Когда гроб в военной комендатуре стоял, я ничего не видела от слез. А родным он почему-то маленьким по размеру казался. У сына же рост – метр восемьдесят с лишним. Так что Саню я хоронила или нет – не знаю...

В тридцать лет я осталась вдовой. И предложения были. Но решила: вот придет сын из армии, устроится работать – тогда и о себе подумаю. А жизнь вон как повернулась. Сейчас больная, одна. Кому нужна? Никому!

Пушечное мясо – наши дети. Что они видели? Это сейчас на экране сплошь боевики, насилие, кровь рекой хлещет. Потому и дети растут грубее, озлобленнее. А наши что смотрели? Сказки!

Он любил цветы и детей

Николай Александрович Решетников, отец пограничника Леонида Решетникова, умершего от ран за два дня до вывода наших войск из Афганистана:

– Знаете, есть у меня гармонь. Я играю только для себя. И вот я никому раньше не рассказывал, что в те дни, когда сын умирал, пальцы у меня нисколько не шли. Возьму гармонь, охота поиграть, но чувствую, не идут пальцы. И в чем дело, не могу понять. Предчувствие? Я ведь вообще не мог подумать, что на меня свалится когда-нибудь такая беда.

Леня в шестьдесят девятом родился. Мы тогда жили в деревне Решетники этого же Кирово-Чепецкого района. Когда во второй класс пошел, встречает меня однажды на остановке: «Пап, пойдем в музыкальную школу. Надо написать заявление, чтобы меня приняли». Я спрашиваю: «А ты на чем будешь учиться играть?» – «На баяне».

Вот написал я тогда заявление, его приняли, и он настойчиво ходил, хотя там и были проблемы с преподавателями. Занимался усердно, да и я тоже говорил: «Если уж поступил, надо доводить дело до конца». И преподаватели отмечали, что способный парень, все ему дается легко, а директор даже советовал учиться играть и на духовых инструментах. Но Леня не пожелал. Пошел на Нововятский механический завод, где есть клуб «Заря», стал заниматься классической борьбой, а еще штангой.

Он очень общительный был, очень любил цветы и детей. У нас в саду росли цветы, и вот он их срежет, принесет домой. Другой раз девочкам подарит. Когда маленький был, ведешь его из садика, а он убежит на поле, насобирает букет. Придет домой, поставит в банку с водой и говорит: «Мама, это тебе».

Когда еще в армии в Союзе был, писал: «Папа, пошли мне книги. Буду заниматься». Хотел поступать в медицинский институт. Да, он после школы ездил поступать в Архангельск, но что-то не получилось. А почему, я не добирался с расспросами, ведь и ему тяжело было, и мне. И вот он до призыва в армию работал санитаром в областной больнице.

Мечты еще у нас с сыном были, в письмах об этом друг другу писали: вот он вернется, купим где-нибудь в деревне дом, приобретем хороший мотоблок. Сейчас все рухнуло... Война, убивая одного, сразу убирает троих: родители солдата

тоже как мертвые. Вот дали мне за сына тысячу рублей, что я, пойду их на хлеб изводить? Родители все-таки должны раньше детей умирать...

Леня сначала служил в Казахстане. А как я узнал про Афганистан? Сын написал в письме, что Новый год встречали в окопах. Жена прочла, не догадалась, думала, какие-то учения. А я все понял.

В феврале восемьдесят девятого, точно уже число не помню, позвонили на механический завод, где я работал, мол, срочно вызывают в военкомат. Ну, я отпросился. Сел на автобус, приехал около шести вечера в Кирово-Чепецк. Захожу к военкому в кабинет, а родительское сердце уж беду чувствует. Он встает, какие-то слова начинает говорить, а я в ответ: да знаю я, знаю, знаю, зачем стариков вызывают в военкомат в столь спешном порядке. Не помню больше, о чем мы еще говорили. Домой приехал часов в восемь вечера, а там уже все известно.

Да, я еще в военкомате спросил, когда сына привезут. Сказали: на днях. И вот мы буквально каждый день им звоним, спрашиваем: когда же? Неделю ждали. Наконец привезли, но не сразу домой, сначала в Нововятский морг, а уж потом к нам.

Бог ты мой, это не гроб был, а оцинкованного железа ящик. 80 сантиметров ширины и 2 метра длины. Заколочен досками. Ну, это позор. В таких досках можно еще поросят возить, но уж никак не солдата. Я никогда не думал, что можно так относиться к людям. Топором колотим, обрываем доски, боже мой, может, это так и принято, но я бы желал, чтобы людей не так возили. Посмотришь по телевизору: цинковый гроб, он хорошо сделан, а здесь просто ящик. А народ-то идет, гроб-то вот здесь, в квартире стоял. И один военный, видимо, ему это тоже не по нутру стало, послал шофера: съезди, привези красный материал, чтобы гроб обтянуть. Чтобы не видно было этих «соплей» от запайки.

Мы хотели сначала хоронить в пятницу, но нам не разрешили. Потом хотели в субботу, но опять нельзя. Говорят: нужно похоронить с воинскими почестями, иначе никаких льгот не будет. Словом, ни в субботу, ни в воскресенье мы не хоронили, только в понедельник, хотя народ весь собирався, чтобы проводить сына, именно в выходные.

Все родные похоронены у нас на Красносельском кладбище, думали туда же Леню. Прихожу в Нововятский райисполком, к товарищу, который кладбищами заведует, говорю: «Сына с Афганистана привезли, надо бы могилу выкопать». А он: «Нет, мне хоть министра пусть везут, на Красном не хороним...» Ну ладно, что делать. Пошел на за-

вод, там в цехе дали мужиков, выкопали могилу в Орлах. Одна забота спала, на очереди другая: надо туда дорогу прогребать, чтобы можно было везти. Вновь иду на завод к заму начальника цеха. Тот говорит: «Ладно, садись в машину. Найдем бульдозериста, и я ему скажу, чтобы съездил, разгреб дорогу». Остановились у проходной, а тут в машину заскакивают двое ребят-«афганцев», спрашивают:

- Где собираетесь Леню хоронить?
- В Красное не пустили, так в Орлах будем.
- А если все же в Красном, как, не против?
- Где же против, я бы не ходил, не просил. Только ребята, мне уже никто не поможет сейчас копать во второй раз могилу. Одну-то уже выкопали.
- А если мы сами выкопаем?
- Если так, спасибо вам...

И они действительно собрались и вырыли эту могилу. Молодцы, ребята. И за разрешением сами сходили к председателю исполкома, а я только постоял в приемной. Спасибо им большое.

И с памятником тоже целая волокита была. Вот один чиновник меня заверил: вам все поставят, все сделают. Я успокоился и до половины мая ждал, думал, известят. Потом узнаю: есть памятники, но они все расписаны, нам не достается. А тут меня еще спрашивают: а деньги у вас переведены?

- Не знаю. Не я вроде должен переводить.

И вот с мая я по два-три раза на неделе ездил узнавать, перевели ли деньги, есть ли памятники. Потом, наконец, памятник нашли. Но новая проблема, как его установить. Вновь пришлось ходить, упрашивать, умолять.

Мне после всего случившегося в марте пришлось уволиться, потому что жену нельзя было дома оставить одну. Вот уйдешь до магазина, она тут же вытащит Ленины письма, фотокарточки. К дому подходишь, ее уже слышно. Я где-то прочел, что матери погибшего положены бесплатные лекарства, бесплатный проезд. Нужна справка из военкомата. Прихожу туда, говорю:

- Мне надо справку, что сын погиб в Афганистане. А прапорщик мне заявляет:
- А у нас никаких документов нет.
- Как нет? Ведь этот военкомат его брал.
- Куда брали?
- В Афганистан.
- А он служил ли там? Это еще надо проверить.

После этих слов я больше уже ни о чем не мог говорить. Развернулся и ушел.

Или в другое место обратился с просьбой: помогите купить линолеум. А чиновник возьми да и выразись: «Много вас ходит. Выпиши тебе, ос-

тальные пойдут». Три ночи я не мог после этого уснуть. Обида жгла. И вот не вытерпел, пришел снова и вежливо говорю:

– Бери ручку и пиши что скажу. Вот население страны 287 миллионов. Раздели это на 15 тысяч. Сколько получится?

- Ну, 20 тысяч. К чему ты это?

– А к тому, что если ты мне заявление подпишешь, то только через 20 тысяч придет к тебе тачка же, как я.

- Он, видимо, понял. Говорит:

- Ты уж извини. Неладное сказал...

Ну, это еще знакомый чиновник, а если бы был незнакомый. Разве тогда что докажешь. Так что, выходит, никому мы сейчас не нужны. Никому!

Одно наказывала: терпи!

Раиса Яковлевна Шумихина, мать погибшего в Афганистане рядового-десантника Евгения Шумихина:

– Обидно очень, почему моего ребенка туда отправили? Я же одна воспитывала. На сороковом году мужа потеряла, на руках двое мальчишек. Они только в школу пошли.

Когда Женя погиб, шибко я на коммунистов обозлилась. Скандалила даже. Председателя нашего сельсовета все доставала:

- Своего-то сына не отправил?

- Он у нас в институте учится.

– И что?.. Я одна двоих воспитывала, не было у меня возможности их сразу в институт определить... Вечно вы нашим братом прикрываетесь, простыми работягами.

Первым Сережа родился – в шестьдесят третьем. Женя его младше на год и пять месяцев. Когда с именем уже определились, бабушка пришла, отцова мать, говорит:

- Парень-то какой-то маленький, а имя уж больно хорошее выбрали. Ванькой надо было называть.

И верно, в росте Женя немного уступал старшему брату. Уже когда выросли и Сережа в армии служил, все подшучивал надо мной:

– Мам, ты на фотографии видела: Сережа стоит рядом с машиной, а голова его выше кабины. Домой вернется, так не пройдет же в избу, не пролезет в двери. Что делать-то станешь?

В школу собирались – Женя побойчее, пошустрее: шапку или фуражку брата схватит, припрячет, убежит напередки. А тот потом ходит, бурчит:

- Ох, поймаю, налуплю.

Но драться не дрались, хотя и непоседы оба. За стол садятся домашнее задание выполнять: один – по правую руку от меня, другой – по левую, а я посередине. Сижу как пограничник.

Уроки исполняют – и на улицу: в хоккей играли, на коньках бегали, пары лыж на зиму не хватало. Однажды крутой трамплин сделали, неровины ветками забросали. Женя поехал, запнулся за сучья, перевернулся и голову стряхнул. Скрывал долго, а боль не проходит. Поехали с ним в больницу – нет проку. А у нас тут бабушка одна жила, теперь таких не найти: к ней раза три сходили, она и поправила голову.

Я всю жизнь на почте работала – газеты, журналы домой приносила. И выписывали много – тогда же они дешевые были. И вот сидят мальчишки, картинки разглядывают, что-то читают или вырезают, я и рада: лишний раз на улицу не убегут.

А Женя маленьким еще телевизор шибко любил смотреть. Насмотрится и заявляет:

– Вырасту и буду клоуном Никулиным. Стану его замещать.

Когда провинятся, расстроят меня – покричу, бывало, на них, но чтобы поколотить – никогда. Сироты же – жалко. А они и пол вымоют, печку истопят, а если ушла на работу и с обедом не успела – сами все приготовят. И не искательные были в еде. Ни разу не слышала: это не хочу, это не ем. А вот внучок – в честь Жени его назвали – тот еще привереда:

– Я, бабушка, это есть не буду. Ты мне какао приготовить, колбаски дай.

Вот такие капризы...

Окончил Сережа десять классов, собрался в Качканар – учиться на машиниста. И младший просится, у него за плечами восьмилетка:

– Мам, ты меня тоже отпусти. Вдвоем легче привыкнуть.

Техническое училище окончил, там и провожанки в армию делали. Он еще смеялся мне говорил:

– Думаешь, как надо в армии пол мыть? Как дома?

– Не знаю, Женя.

– Надо так вымыть, чтобы летом пахло.

А я ему одно наказывала: трудно будет – терпи.

Сколько-то в учебке пробыл, потом пишет:

– Мама, не переживай – меня отправили в Германию.

Взяла я письмо, глянула на полевую почту и все сразу поняла. На почте-то не первый день. И тотчас ему ответ отписала:

– Женя, не надо меня обманывать. Знаю, где ты.

Переживала, конечно, все три месяца ревела. А

тут прихожу на обед – звонок по телефону. Председатель сельсовета спрашивает:

– Будешь ли, Рая, дома?

– Буду. А что стряслось-то?

– Мы сейчас к тебе приедем.

Только сказал это, как я поняла: беда.

Машина скоро подходит, из нее военком, председатель и медичка выбираются – все понятно. Такой делегацией только скорбные извещения и возят – мой-то не первый в селе погиб. Знаю. И я прямо на улице упала.

Похоронка сюда, в Порез, пришла, а гроб по-первости в Качканар отправили, откуда Женя призывался. Когда же возвернули да открыли по моему настоянию – не признать было парня. Никак не признать. Весь разложенный, мокрота одна вместо лица. Видно только, что длинненький, худощавенький солдатик лежит, а родной или нет – не скажешь определенно.

Положила я туда перемену – брюки, рубашку чистую, как если бы сама стала хоронить, но долго еще не смирялась. Все думала: может, найдется? Есть же случаи, когда ребята или проданы, или в плен захвачены. А может, он инвалидом остался, ни рук – ни ног, и не захотел потому домой возвращаться? И в часть запросы писала, и в Москву, и в дом инвалидов-«афганцев». Один ответ приходил: такого нет...

А я только ложусь – его вижу, только засыпаю – он. Живой. И так целый год, каждую ночь.

Как погиб, ребята потом рассказывали. Речку они переходили вброд. А там засада. Наши, отбиваясь, стали отступать. И Жене, чтобы укрыться, немного оставалось. Но не успел – гранату кинули. И все...

Эту речку и сына я потом во сне видела. Денег до сорокового дня нищим да молящимся много раздала, вот он и заявляет мне со смешочками:

– Не знаю, мама, куда твои копеечки сейчас девать? Может, золотые зубы вставить?

Немного мне уже осталось, но где доживать денечки – не знаю. Квартира совсем непригодна. Зимой что на улице, что в избе – одна температура. Хоть топи, хоть нет. Прошу, чтобы в доме ветеранов в райцентре комнату без подселения выделили. На отдельное жилье уж не замахиваюсь. Вроде не отказывают и согласны предоставить. «Ты у нас, бабушка, на особом учете», – говорят. Но третий год моей просьбе идет, а все без подвижки...

Пока Бог дает жизнь, надо жить

Антонина Васильевна Опарина, мать погибшего в Афганистане Героя Советского Союза майора Александра Опарина:

– Как выстояла? Я больше Богу молилась. Дома все, дома – и уревусь вся, и помолюсь. Попрошу Господа: дай ты мне терпения и смирения. Пожалей ты меня, Господи. Сына у меня теперь нет, ты мне его не возвратишь, но хоть помилуй меня. Дай мне терпения и смирения. И где-то полегче, полегче...

И ребята-школьники много лет ходили. Придут, поставим столы, чаю накипятим. Теперь-то уж меньше – столько времени прошло. Да и нынешние школьники – не рады порой с ними. Учительницу тут видела, она и говорит:

– Теперь, Антонина Васильевна, не смеем к вам и привести. Непослушные, неусидчивые – полезут везде.

Лишний раз и я сейчас стараюсь не связываться. А то, бывало, раньше на улице сделаешь замечание:

– Ребятки, зачем вы так делаете? Не надо. Надо хорошо, умно жить.

И тут же услышишь в ответ:

– А че? Твой один погиб, че ли? У тебя сын – герой, так ты этим и хвалишься.

– Разве я вам его помянула? Нет...

Запросто могут обидеть.

Да и больно-то не хожу куда – здоровья нет, голова стала болеть. Больше все дома. Тут на Троицкую субботу даже на кладбище выбраться не смогла. Только дома Богу помолилась, попросила Царствия небесного. Годы ведь уже, годы да столько пережито.

Он по характеру был очень мирный человек. Смирный, спокойный. Оскорбить, надсадить душу у кого-то – никогда такое не мог допустить.

Жили мы попервости в бараке, в коммунальной квартире. На три семьи – по комнате, общая кухня. У Кузнецовых пятеро детей, у Кудиных – двое и у нас двое: Саша первенец, вторая дочь Валя – они погодки. Бывало, пойдешь на работу, накажешь сыну:

– Шуренька, ты тут не давай баловаться. Чтобы все слушались, бабушку не расстраивали.

Вот они в коридоре расстелют старое одеяло, сидят, играют. Такой большой отряд детей, а тихо, мирно.

Вернешься домой, спросишь у пожилой соседки:

– Ну что, бабушка, как они себя вели?

– Хорошо, хорошо. Послушные ребята.

Гулять собираются, я об одном прошу:

– Шуренька, ты уж приглядывай, чтобы сестра никуда не лезла.

Он и следит. А если кто подойдет и обидеть норовит, защищает:

– Не надо Вавку бить. Вавке больно...

Сам еще мал, имя сестры не выговаривает, но в обиду никогда не даст. И Валя за ним хвостиком. А если где-то нет, тут же ко мне:

– Мама, где Саса? Где Саса?

В школе уже учился: если какое дополнительное мероприятие намечается, бежит ко мне на работу:

– Мама...

– Что, родной?

– Мне тут в школу надо. Можно?

– А почему же не можно? Даже нужно, если приглашали.

– А Вавку брать с собой? – долго еще так сестру называл.

– Зачем? Скажи, пусть ко мне идет. А уж одну ее не оставляй.

В те годы, в пятидесятые, были большие очереди за хлебом. Прибежит он порой с уроков, спрашивает:

– Мама, сегодня за хлебом пойдем?

– Пойдем.

– А Татьяна Николаевна купим? – это любимая учительница у него была.

– Обязательно.

Отстоим очередь, купим, и он тут же через дорогу несется:

– Татьяна Николаевна, я вам хлебушка принес.

– А где ты взял, Сашенька?

– А мы с мамой ходили в очередь и на вас купили. Как-то надо было ему всем помочь, позаботиться. Даже котенка вынесут на улицу, покараулит, пока он набегается, потом обратно в дом.

Бедно, тяжело тогда жили. Из колхоза приехали – нагие, босые. За любую работу хвататься, лишь бы деньги заработать. Даже кровь с мужем ходили сдавать, вот как. А ребята не слепые, видят все это. И если купишь что из обнови – так берегут, так берегут. Вот купили как-то Саше брючки такие серенькие, рубашечку светленькую. Так он только в школу в этом сходит, а дома – сразу на стул. И уж что похуже надевает. Или дашь несколько копеечек на пончик, а назавтра придешь домой и не знаешь, хватит ли на хлеб. Так Саша сразу на помощь приходит:

– Мама, а у меня все денежки в сохранности в коробочке лежат. Возьми.

– Почему же ты не потратил?

– Да не хотелось что-то. Так что, сходить за хлебом?

– Да, Шуренька, сходи.

Лет десять исполнилось, поехали в Свердловскую область, в гости к моему брату. Увидел он там военных и спрашивает:

– Мама, а ты отдашь меня в военное училище? Разрешешь?

– Хорошо, Шуренька, но до этого еще долго жить надо. Мал ты еще, рано тебе собираться. Вот подрастешь – там увидим.

Вроде и детская мечта – а серьезная: уже в школе начал готовить себя, бегом занимался. Или какое соревнование – обязательно участвует.

Я еще говорила:

– Шуренька, а зачем же в военные? А если война? Убьют ведь.

– Да какая война, мама? Все тихо и мирно.

Когда в Москву, в командное училище гражданской обороны поехал поступать, одно только наказывала:

– Шуренька, родненький, не связывайся только ни с кем. Себя пожалей и нас не срами.

– Ну что ты, мама. Я же разбираюсь, какие ребята хорошие, какие плохие.

И вот поступил и сразу стал учиться. И привык очень быстро.

Отец к нему ездил: отвез варенья и гостинцев, посмотрел, что да как. Вернулся довольный.

– Не переживай, – говорит. – Все у него хорошо. Товарищи хорошие, командиры знающие.

И у меня вроде на душе полегче стало.

Потом уж сам приезжал – в отпуск. Форма красивая, все чистенько, новенько. Разик куда в ней выйдет, а уж дома сразу переодевается – бережет.

После училища получил направление в Узбекистан, в Чирчик. Дома еще побывал на побывке.

Я все спрашивала:

– Сашенька, а, поди, там трудно будет?

– Нет, мама, теперь уже не трудно. Трудности уже все позади остались.

– Ну, тогда счастливо.

Погостил и уехал. И потом мы к нему раза два ездили.

В последний приезд он уже знал, что командировка скоро. В Афганистан. И вот провожает нас в аэропорту. А самолет задерживается. Потом посадку объявили, началась суетня. И мы заволновались, заторопились, а сын говорит:

– Мама, мы ведь с тобой толком даже не попрощались.

Вернулись, чемодан поставили, поцеловались, пообнимали друг друга. И он потом в окно долго

на нас смотрел, глаза несколько раз утирал.

Это была последняя встреча...

Ждали мы его в гости, и он обещался:

– Вот приеду, вот приеду... Вот к 8 Марта выберусь, и мы сходим, мама, в наш ресторан. Хоть посидим немножко.

К женскому празднику не приехал, обещался к майским – тоже не получилось. Потом пишет:

– Мамочка, родненькая, не приехать, не отпущают, потому что замены нет.

В тот день мы с мужем на мотоцикле в сад поехали. И вдруг сосед за нами следом:

– Антонина Васильевна, к вам какие-то гости приехали. Так велели вернуться.

– А кто?

– Да не знаю. Военный один-то.

– Не Шурик?

– Да вы что, Шурика вашего я бы узнал...

Вернулись домой: матушки мои. Похоронная!

Гроб ждали долго – только в Киров три раза ездили: пришел ли? И все нет и нет.

Ох, что сделаешь, наверное, чему быть, того не миновать.

Когда сообщили о гибели, я все равно не верила. Потому настолько хотела, чтобы гроб открыли. Просила, умоляла, чтобы еще раз на сыночка взглянуть. Но военный один ни в какую не дал. Прямо заявил: «Вы об этом и не думайте». А гроб был полностью запаянный, никакого окошечка. Только обшили его потом сверху плюшем, и все.

И на памятнике не дали написать про Афганистан. Просто: Герой Советского Союза... Погиб при исполнении служебных обязанностей. Годы жизни.

Почему такая напасть на нашу страну – одна война, вторая война? Почему? Плохо, видно, Господа Бога просим, плохо верим в Него, который пролил за нас кровь.

Сейчас страшнее стало жить, чем раньше, – посмотрите, что творится. Людей ни за что убивают. Страх божий – как людям жить?

А Шуреньку в душе своей всегда – и прежде, и теперь – я все время держу. Никуда не хожу, ничего не выпрашиваю. Только этой памятью да молитвой и спасаюсь.

Дай же всем нам, Господи, терпения и смирения! Пожалей нас!

Помолчим

* * *

Мать погибшего солдата... Мать солдата...
Мать...

Жизнь нам дающая, растящая, кормящая, беду и болезни старающаяся отвести, словом добрым напутствующая, воспитывающая примером труда своего нелегкого, негромкого, порой для детского глаза неприметного – тихая, скромная женщина.

В любые времена, в годы самые лихие по отношению к матери судили о человеке, о нравственном корне его и здоровье. Забыта мать, брошена в одиночестве, в боли своей и тревоге, нет помощи и участия – нет и уважения к такому сыну или дочери. А если ушел сын – единственная порой кровиночка – по зову Родины и выпала служба кровавая, бойня страшная, а вернулся запаянный в цинковую домовину: верно ли еще, он ли там лежит или иной кто – не проверишь, не дозволено, тогда как быть, от кого заботы ждать и подсобления на года остатные, скорбные?

Ясен вроде ответ, да не все так просто, как кажется...

Наплодилась нынче чиновников огромная армия – бездушная, ленивая, над бумажкой дрожащая, циркулярами, нормативами да постановлениями разными, как броней, от мира прикрывающая, человека не видящая, к печалю его безразличная. Расселась, как в крепости, в тепле кабинетов, мозоля задницу да чаек попивая: не тревожь ты ее лишний раз – себе дороже, не травми душу еще одним испытанием – пустословием... Ох, много же надо по казенным этажам набегаться, во многих очередях намаяться, чтобы положенную справку вымолить – не всяк и выстоит в этой неравной войне за свои права – права смертельно раненного человека.

Ничего бы этого глаза не видели, бежать бы куда подальше, а куда? Одно только место и осталось на свете, где выговориться, выкричаться можно, выплакаться вволю, до донышка, до рвотных судорог, да посидеть каменно, сгорбленной тенью, руки изработанные в коленях спрятав, – на кладбище, у сыночка дорогого, рядышком с которым, недалек, верно, день и час, и ей упокоиться предстоит. Скорей бы уж, что ли... Грех, конечно, время торопить, Господа об этом просить, загадывать-заговаривать, только думка такая все равно живет, не отходит.

Камни скорби – мраморные, гранитные, со снимками мальчиков на лицевой стороне, со словами прощания и памяти – как много поставлено их в последние годы по российским просторам. А сколько еще поднимется... Но пока жива мать, пока позволяют ей силы и носят ноги, вытоптана будет сюда святая дорожка, прибрана опрятно, обихожена могилка.

Сюда, сюда – некуда больше, жесток, неприутен мир – несет она постоянно несколько вечных гостинцев – сердце свое изболевшее, шепоток негромкий да горькие слезы.

* * *

Погиб в Афганистане
рядовой
Решетников
Леонид Николаевич
(24. 08.1969 – 13. 02.1989)

Рядовой
Лялин
Александр Алексеевич
(26.03.1961 – 28.03.1981)
Погиб при исполнении
служебных обязанностей

Колпащиков
Константин Николаевич
(7.11.1966 – 7.02.1988)
Погиб при выполнении
интернационального долга

Младший сержант
Машковцев
Вадим Валерьевич
(17.06.1968 – 23.06.1987)
Погиб, выполняя боевое задание,
верный воинской присяге

Старший лейтенант
Евлаков
Андрей Германович
(22.04.1963 – 23.03.1987)
Погиб при выполнении
интернационального долга.

Безгранична наша любовь, безмерна скорбь...
Папа, мама, жена

Сержант
Солодов
Виктор Иванович
(1.03.1965 – 12.08.1985)
Погиб при исполнении
служебных обязанностей

Вепрев
Олег Николаевич
(27.08.1960 – 1.1.1984)
Погиб при исполнении
служебных обязанностей.
А время все вперед идет...
А сердцу все мучительней разлука

Шумихин
Евгений Григорьевич
(30.10.1964 – 12.09.1984)
Погиб при исполнении
интернационального долга

Ботев
Леонид Геннадьевич
(1963 – 1983)
Скорбь по тебе безгранична,
память вечна. Мама

Младший сержант
Порошин
Александр Николаевич
(3.10.1965 – 12.10.1985)
Умер при исполнении
служебных обязанностей

Одегов
Андрей Ромуальдович
(3.08.1965 – 26.01.1985)
Погиб при исполнении
интернационального долга

Рядовой
Лысов
Александр Юрьевич
(1964 – 1984)
Погиб при исполнении
служебных обязанностей.
Любимому сыну от папы, мамы,
сестры и бабушек

Гвардии старший сержант
Вожегов
Александр Леонидович
(7.09.1968 – 21.08.1988)
Погиб при исполнении интернационального
долга.
Папа, мама, сестра и бабушка

Капитан
Суслов
Владимир Васильевич
(30.04.1955 – 23.09.1984)
Погиб при исполнении воинского долга

Виктор Семенович БАКИН

родился в 1957 году в городе Мураши Кировской области.

*Окончил Кировский политехнический институт
по специальности «инженер-строитель».*

Автор десяти книг прозы.

*Публиковался в журналах «Роман-газета», «Наш современник»,
«Москва», «Дружба народов» и других.*

*Лауреат Всероссийской православной литературной премии имени
Александра Невского, Всероссийской литературной премии
«Имперская культура» имени Эдуарда Володина,
литературной премии имени святителя Макария, Апостола Алтая.*

*Кавалер ордена Достоевского II степени и высшей награды
Российского Союза ветеранов Афганистана – ордена «За заслуги»,
награжден золотой медалью «Василий Шукшин».*

Член Союза писателей России.

Заслуженный работник культуры Кировской области.

